

ОТЗЫВ

официального оппонента, кандидата исторических наук Артема Алексеевича
на диссертацию Кочнева Антона Владимировича
«Политика России в отношении Хивинского ханства в начале XVIII – второй половине
XIX в.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

История политики России в Средней Азии обладает одним удивительным диалектическим свойством. С одной стороны, для большинства российских авторов, изучающих прошлое родного отечества, она может показаться относительно экзотической и, как следствие, малоизученной. С другой стороны, пожалуй, ни одно из восточных направлений российской дипломатии не было столь популярно среди исследователей самых разных специализаций и не представлено в таком количестве работ как среднеазиатское.

Подобное сочетание кажущейся уникальности и одновременного историографического богатства проблемы объясняется множеством факторов, в том числе значением государственных образований региона для России, длительным периодом их взаимоотношений, комплексностью внешнеполитического и этнокультурного взаимодействия и наличием соответствующей политической конъюнктуры. Фактически параллельно со становлением российского царства и первыми его внешнеполитическими успехами на Волге начинается долгий период среднеазиатского направления его дипломатии.

Хорезм был одним из главных ее ориентиров со второй половины XVII в., когда весной 1675 г. хивинский посол Абдаррахим привез ярлык от хана Ануша-Мухаммед-Бехадура главе посольского приказа Артамону Сергеевичу Матвееву. Этот, учитывая очень частые визиты хивинских и бухарских «йалчи» и купчин, казалось бы, непримечательный эпизод на самом деле означал приглашение России в регион и знаменовал собой попытку первого внешнеполитического проекта, впрочем, на тот момент времени не получившей дальнейшего развития. Правитель Хорезма предложил, точнее выразил пожелание, чтобы российский государь на пристани Мангышлак «изволит велел город поставить»¹.

¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII вв. / ред. А. Н. Самойлович. Л., 1932. С. 224.

Спустя сорок 41 год, именно в этом месте князь А. Б. Черкасский в 1716 г. построит укрепление «форт Святого Петра» и начнется серия военно-дипломатических тактических действий России по утверждению своего влияния в Средней Азии. Полуостров Мангышлак также станет одним из направлений завоевательного похода в Хиву в 1873 г.

Удивительным образом вся история российской политики в отношении Хивинского ханства выпала на последние столетия жизни собственно самой государственности в Хорезме, насчитывавшей в исторической перспективе и в своей преемственности несколько тысячелетий. И сам суверенный Хорезм, особенно его внутривосточная жизнь, известен лишь фрагментарно, поскольку действительно не часто выступал предметом изучения.

С диссертантом (ранее причастность вышеприведенной информации к диссертации не была отмечена) трудно не согласиться в том, что значение хивинского фактора во многом являлось недооцененным. Отчасти это было оправдано дефицитом источников собственно хорезмийского происхождения. Ситуация стала улучшаться в последние годы, когда Хорезм по-своему стал заново открываться для широкого круга исследователей. Имеются первые значимые результаты археологических раскопок по истории доисламского Хорезма и т. д. Институтом восточных рукописей Республики Узбекистан относительно недавно были опубликованы уникальные источники по истории Хивы второй половины XVIII-XIX вв. Это неизвестные до недавнего времени труды самого известного и выдающегося хивинского придворного историка Мухаммада Реза Мираб Агахи².

Новые данные позволяют более объективно и всесторонне взглянуть на отношения Хивинского ханства и России, что и определяет сохранение актуальности темы диссертационного исследования, связанной больше с интересом к прошлому региона, нежели с современными реалиями внешней политики на ее региональном уровне.

Цель исследования – «попытаться максимально полно воссоздать прошлое малоизученного в отечественной историографии периода становления и развития политики в отношении Хивинского ханства в начале XVIII в. – второй половине XIX

² *Muhammad Rizā Mīrāb Āgahī. Jāmi' Al-Vāqī'āt-I Sultānī.* Ed. By N. Tashev. Samarkand, 2012; *Мухаммад Реза Агахи «Зубдат ал-таварих».* Научно-критический текст. Сост. Х. Назирова. Ташкент-Самарканд: МИЦАИ, 2016.

в.» сформулирована достаточно логично и в меру объемно. В равной степени нет нареканий к обусловленным данной целью задачам, за некоторым исключением.

Верхние границы хронологических рамок исследования определены деятельностью князя А. Черкасского на восточном побережье Каспийского моря и его походом в Хиву. Действительно именно в этот период, в 1714 г. происходят фундаментальные перемены, связанные с петровскими реформами, отразившиеся в том и числе и на уровне самосознания. Российский царь, как было замечено еще В. В. Бартольд, перестает воспринимать себя фигурой, равной среднеазиатским правителям. Начинается новая растянувшаяся на века эпоха активного изучения региона, его последующего завоевания и частичной интеграции в пространство империи. Данная работа посвящена двум аспектам из трех – изучению и завоеванию Хорезма.

Высокой оценки заслуживает используемый автором комплексный подход на основе многофакторного равновесия, используемый автором в методологии исследования. Региональные отношения – это, конечно, не исключительно отношения государств и государственных образований. На пространстве от истоков Амударьи и до ее впадения в Аральское море, на всем протяжении восточного побережья Каспийского моря и вплоть до предгорья Тянь-Шаня это все, как верно выразился автор с отсылкой к труду А. Д. Воскресенского, суть «система множественного равновесия, т. е. динамичное взаимодействие внешних и внутренних факторов многих единиц системы». В качестве таковых выступают государства, народы (кочевые и оседлые), родоплеменные структуры и социальные группы, все они в той или иной степени – значимые и множественные элементы этой системы.

Значительная часть диссертационного исследования базируется на неопубликованных материалах архивов России и Узбекистана, список которых впечатляет. Это и государственный архив Оренбургской области, Российский государственный исторический архив, архив РАН, архив Института истории РАН, архив РГО, РГАДА, АВН РИ, Государственный архив Саратовской области и Центральный государственный архив Республики Узбекистан, доступ в которой, как известно, получить достаточно трудно. Прделанный объем историко-архивной работы позволил автору выявить уникальные и неизвестные для большинства исследователей документальные источники по истории хивинского направления внешней политики Российской империи.

В частности, это записка под названием «Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в городе Балхе...». Установленная автором датировка документа 1727 г. сомнений не вызывает, в равной степени и гипотеза относительно ее авторства, подтвержденная, как это и должно быть, несколькими альтернативными источниками. Профессионально дана характеристика самого текста и, исходя из его анализа, абсолютно верно определен исторический контекст времени появления документа на свет. Можно констатировать, что с возвращением Флорио Беневени в Россию полученные им материалы все же были использованы государственными деятелями той эпохи, например В. Н. Татищевым, как это доказывается в диссертации.

Отдельных комплиментов заслуживает предоставленный в диссертации обзор отечественной и зарубежной литературы. Подробное изучение научной литературы по истории Средней Азии – невероятно сложная задача, поскольку, как уже говорилось нами вначале, в течение всего XIX в., особенно во второй его половине, очень многие исследователи самых разных специальностей (военные, географы, геологи, историки, археологи, этнографы и т. д.) пытались проявить себя как первооткрыватели и спешили составить свое мнение, в том числе и по политике России в Средней Азии. По параграфам первой главы можно констатировать, что с данной задачей автору удалось справиться. Само количество монографий и статей, накопленных в России и за рубежом по теме диссертации, не позволяет провести их тщательный анализ с целью нахождения общих и частных моментов, которые бы позволили распределить все известные работы по группам, исходя из тех или иных критериев. Это возможно исключительно в рамках отдельного историографического исследования уже на уровне докторской диссертации.

Автор демонстрирует определенную осведомленность в отношении опубликованных источников по теме исследования. В диссертации также можно видеть попытку изучить обнародованные источники хивинского и бухарского происхождения. Работа с ними, пусть и адаптированными для широкого круга читателей, все же представляет определенные сложности, особенно в части сопоставления их с альтернативными источниками российского происхождения.

Диссертант великолепно ориентируется в зарубежной историографии по политике России в Средней Азии. На уровне, достойном диссертационного исследования, выполнен ее критический обзор, с учетом внешнеполитического контекста времени публикаций самих работ.

Главы 3 и 4 диссертации представляются наиболее удачными, поскольку полностью соответствуют части цели «воссоздать прошлое» политики России в отношении Хивинского ханства в XIX в. (до 1873 г.). Автор на основе архивных источников детально рассматривает череду военных походов и дипломатических миссий России в направлении Хивы. Объективно определены автором и этапы российско-хивинских отношений, факторы, определявшие их перемену (например казахские жузы и их роль в российско-хивинских отношениях). Третий, финальный этап отношений был обусловлен совпадением целого ряда внешних (поражение России в Крымской войне) и внутренних (необходимость выхода российского капитала на доступные рынки) факторов.

Вместе с тем к работе следует обозначить ряд замечаний, частью принципиального, частью рекомендательного характера.

1. Наименование второй главы «Российская политика и Хивинское ханство в XVII – первой четверти XVIII в.» представляется несколько несвязным. В равной степени вызывает вопрос название первого параграфа третьей главы «Планы военной экспансии России и попытки мирного урегулирования конфликта». Здесь возникает вопрос, какого конфликта?
2. Спорным является утверждение автора во введении о том, что «хивинский вопрос тормозил продвижение Российской империи в Центральную Азию и являлся главной угрозой ее внешнеполитических и торговых интересов» (С.4). Представляется все же, что главные оппоненты России в то время находились гораздо западней. И если говорить о региональном уровне угроз, то Кокандское ханство таким же образом представляло угрозу, поскольку пыталось влиять на лояльных к России кочевников казахских и киргизских родов.
3. Среди опубликованных документов диссертант выделяет донесения и предписания, которые, как было им заявлено, позволяют «более подробно рассмотреть события XVIII в., особенно поход А. Бековича-Черкасского». Далее автор ссылается на одно из донесений поручика А. И. Кожина, опубликованное в библиографическом сборнике И. Г. Безгина. Поручик А. Кожин впоследствии был арестован и отправлен в ссылку, исходя из пусть и субъективного человеческого фактора; на наш взгляд, его донесения не позволяют построить объективной реконструкции событий.
4. Спорным также является выделение мемуаров Питера Генри Брюса в разряд научной литературы (с. 42), поскольку это классические воспоминания бывшего офицера и, соответственно, исторический источник.

5. Не совсем верно утверждение автора о том, что «в российских источниках и историографии применительно к Хорезму употребляется только название “Хивинское ханство”». Точнее, оно совершенно справедливо для историографии. Но название «юргенские» в российских источниках, особенно XVII в., встречается достаточно часто. Например, т. н. «дела юргенские», которые передавались по распоряжению Петра I в 1700 г. из ведения Посольского приказа в Приказ Казанского дворца³. Диссертант при этом сам на с. 60 цитирует источник, с упоминанием Юргенча (с. 60).
6. Начало торговых отношений Хивы и Московского государства автор определяет 1563-1564 гг. (ссылаясь на работу С. В. Руссова. С. 57), в то время как, согласно Никоновской летописи, это 1557 г.⁴
7. «Некий Ходжа Нефес», как его определяет автор, не прибыл из Хивы, а приехал как посланник туркмен Мангышлака (по преданиям самих туркмен с ним было еще четыре посла от четырех крупных родов мангышлакских туркмен). Впоследствии он был одним из участников экспедиции князя А. Б. Черкасского в Хиву.
8. Автор определяет царский указ 29 мая 1714 г. как основной и главный по экспедиции в Хиву, что неверно. 29 мая 1714 г. был дан указ князю А. Черкасскому о поиске города «Иркения» и прежнего устья Дарьи-реки. 14 февраля 1716 г. после успешного возвращения князя А. Черкасского с новой, более точной картой Каспийского моря, ему был присвоено звание капитана лейб-гвардии (до этого он был поручиком) и был выдан новый царский указ, где говорилось о строительстве крепости и о походе в Хиву⁵.
9. Автор обходит вниманием деятельность князя А. Черкасского по исследованию самого восточного побережья Каспийского моря. Складывается впечатление, что кроме строительства крепостей и самого похода он ничем более не отличился. Согласно Е. А. Княжецкой, все, что делалось А. Черкасским в 1714-1717 г., – суть одна экспедиция, которая подразделяется на три этапа: первую Каспийскую экспедицию в 1715 г., вторую Каспийскую экспедицию в 1716 г., поход в Хиву в 1717 г.⁶ С нашей точки зрения, можно разделить процесс его поисков, строительства и военных действий на восточном побережье Каспийского моря на «морской» и «сухопутный» этапы. «Морской», таким образом, будет определяться 1715-1716 гг., «сухопутный» –

³ РГАДА. Ф. 134. О. 1. 1700. Д. 1. Л. 1.

⁴ Сибирские летописи. СПб. 1907. С. 7.

⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Сост. Т. С. Майкова, под общей ред. А. А. Преображенского. Вып. 2. М., 2004. С. 584.

⁶ Княжецкая Е. А. Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском). М., 1964. С. 17.

